

Хвостов Вениамин Михайлович

Теория исторического процесса

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 316
ББК 60.5
В29

В29 **Вениамин Михайлович Х.**
Теория исторического процесса / Хвостов Вениамин Михайлович – М.: Книга по Требова-
нию, 2023. – 392 с.

ISBN 978-5-521-29037-6

ISBN 978-5-521-29037-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

основныя предпосылки, изъ которыхъ онъ будетъ исходить при своей дальнѣйшей дѣятельности ¹⁾.

Но въ этомъ пунктѣ мы уже наталкиваемся на одно принципиальное возраженіе, которое можетъ возбудить сомнѣніе въ правомѣрности самой изучаемой нами науки. Если задача теоріи историческаго процесса состоитъ въ томъ, чтобы установить „предпосылки“ историческаго изслѣдованія, то нужна ли вообще такая дисциплина? Вѣдь на историкѣ лежитъ обязанность изслѣдовать и передавать историческую истину по возможности объективно, не внося въ изложеніе никакихъ предвзятыхъ идей. Не является ли поэтому для него не только излишней, но и вредной такая дисциплина, какъ теорія историческаго процесса, назначеніе которой, по видимому, и сводится къ тому, чтобы внушать такіа предвзятая идеи?

Возраженіе это, конечно, въ такой общей формѣ не можетъ быть признано основательнымъ. Дѣло въ томъ, что безъ всякаго міровоззрѣнія никакой историкъ обойтись не можетъ ²⁾. Поэтому дѣло сводится только къ тому, какъ онъ будетъ его вырабатывать, явится ли это міровоззрѣніе результатомъ разнаго рода не приведенныхъ въ систему и разрозненныхъ переживаній, или же оно будетъ установлено путемъ критическаго изслѣдованія и размышленія. Задача теоріи историческаго процесса въ томъ и состоитъ, чтобы внести элементъ строгой, критической провѣрки въ міровоззрѣніе историка. Историкъ, не прошедшій этой школы, не будетъ забавленъ

¹⁾ Конечно, можно возразить, что слѣдуетъ различать дѣя науки: теорію историческаго процесса и теорію историческаго знанія: см. *Киртневъ*, „Теорія историческаго знанія“ (1913 г.), стр. 44. Но я думаю, что теорія историческаго процесса по самому своему понятію охватываетъ оба задачи: она учитъ и тому, какъ историческій процессъ *происходитъ*, и тому, какъ онъ *познается*. На практикѣ же такое дѣленіе нежелательно: какъ изученіе, такъ и изложеніе обоихъ этихъ областей пострадаютъ, если ихъ раздѣлять. Поэтому я считаю возможнымъ оба категоріи проблемъ покрывать именемъ теоріи историческаго процесса въ широкомъ смыслѣ этого выраженія или философіи исторіи.

²⁾ Ср. очеркъ „Историческое міровоззрѣніе В. О. Ключевскаго“ въ моей книгѣ „Нравственная личность и общество“ (1911 г.). Вообще объ историческомъ міровоззрѣніи крупныхъ историковъ (не философовъ), начиная съ эпохи Возрожденія, см. *Fueter*. Geschichte der neueren Historiographie (1911).

отъ „предпосылокъ“ въ своей работѣ; но только его предпосылки будутъ вытекать изъ непроизвольно создавшагося у него міровоззрѣнія, не подвергнутаго строгой систематической критикѣ и потому имѣющаго наивно догматическій характеръ ¹⁾).

III. Если подѣ *философіей* вообще понимать дисциплину, которая имѣетъ своей задачей изслѣдовать предпосылки всякаго знанія и открыть общіе принципы научнаго міровоззрѣнія, то на основаніи всего изложеннаго мы уже можемъ сдѣлать выводъ, что теорія историческаго процесса есть дисциплина философская или, иными словами, что между теоріей историческаго процесса въ широкомъ смыслѣ слова и *философіей исторіи* нѣтъ никакой разницы. По моему мнѣнію, эти выраженія могутъ употребляться, какъ синонимы.

Но, причисляя теорію историческаго процесса къ философскимъ дисциплинамъ, я долженъ еще разъ подчеркнуть, какъ я понимаю задачи самой философіи. Я имѣю въ виду *критическую философію*. Задача ея состоитъ не въ томъ, чтобы путемъ отвлеченныхъ умозрѣній создавать, независимо отъ данныхъ точной науки, спекулятивныя построенія о смыслѣ міроизданія, которыя потомъ должны быть полагаемы въ основу самой науки, но, наоборотъ, въ томъ, чтобы помогать наукѣ разобратся въ своихъ задачахъ. Критическая философія должна отпираться отъ факта научнаго познанія и базироваться на данныхъ, добытыхъ научнымъ изслѣдованіемъ. При этомъ она ставитъ своей задачей выяснить самыя первоосновы научнаго знанія. Специальной проблемой философіи является, прежде всего, проблема *гносеологическая*, т.-е. вопросъ о самомъ познаніи, его предметѣ и его образованіи, и о границахъ эмпирическаго познанія; затѣмъ философія ставитъ себѣ цѣлью изслѣдовать тѣ *общіе принципы*, которые лежатъ въ основѣ уже добытаго знанія, попытаться свести ихъ въ систему и, въ случаѣ нужды,

¹⁾ Есть, конечно, и такіе историки, которые вообще не признаютъ въ исторической наукѣ никакихъ синтезовъ и объясненій, но всю работу историка сводятъ къ критическому констатированію фактовъ; однако, и эти историки безъ методологическихъ приѣмовъ и предпосылокъ обойтись не могутъ. Самое же направленіе этого рода есть, несомнѣнно, плодъ методологическаго недоразумѣнія. См. *Berr. La synthèse en histoire* (1911).

предложить свои гипотезы для восполненія пробѣловъ, оста-
вляемыхъ наукой, но съ сознаніемъ предположительности
такого рода дополненій. Философія, понимаемая такимъ об-
разомъ, не только не содержитъ въ себѣ элементовъ, вред-
ныхъ для науки, но, напротивъ, является необходимой пред-
посылкой научнаго изслѣдованія, помогаетъ наукѣ уяснить
самое себя.

Тѣ задачи, которыя критическая философія выполняетъ
вообще по отношенію къ наукѣ, философія исторіи выпол-
няетъ спеціально въ отношеніи къ исторической наукѣ ¹⁾.

§ 2. Содержаніе теоріи историческаго процесса.

I. Согласно изложенному, намъ нетрудно теперь болѣе
подробно намѣтить содержаніе курса теоріи историческаго
процесса. Эта дисциплина должна насъ познакомить съ исто-
рической наукой въ процессъ ея возникновенія и затѣмъ съ
основными принципами историческаго процесса, какъ они
представляются съ точки зрѣнія уже сложившейся истори-
ческой науки въ ея современномъ состояніи.

Все это содержаніе можно уложить въ три отдѣла, на
которые и будетъ распадаться нашъ курсъ. 1) Первый отдѣлъ
будетъ посвященъ выясненію мѣста исторіи среди другихъ
наукъ и ея спеціальныхъ задачъ. Здѣсь мы должны будемъ
точнѣе опредѣлить тотъ предметъ, съ которымъ имѣетъ дѣло
историческое изслѣдованіе, выяснить отношеніе исторіи къ
другимъ научнымъ дисциплинамъ и мѣсто ея въ классифи-
каціи наукъ, наконецъ, дать отвѣтъ на вопросъ о томъ, чѣмъ

¹⁾ Ср. *Бернгеймъ*. Философія исторіи, ея исторія и задачи, пер. А. Ро-
ждественскаго (1910 г.). Нѣсколько иначе, чѣмъ въ текстѣ, ставитъ задачи
философіи исторіи *Wundt*. *Elemente der Völkerpsychologie* (1913), стр. 514—
516. Онъ полагаетъ, что философія исторіи должна ставить себѣгносео-
логическія задачи: раскрытіе цѣлей и цѣнностей человеческой исторіи; но
для нея должна быть подготовлена почва наукой, которая съ чисто кау-
зальной точки зрѣнія изучаетъ тотъ психическій механизмъ, которымъ
создается исторія, тѣ средства, которыми оперируетъ историческій про-
цессъ, т.-е. психологіей народовъ. — Я бы считалъ болѣе правильнымъ въ
последнемъ случаѣ говорить о теоріи историческаго процесса въ тѣсномъ
смыслѣ слова, въ первомъ о метафизикѣ исторіи, а все вмѣстѣ объединять
терминомъ „философія исторіи“.

собственно возбуждается интересъ человѣчества къ историческимъ проблемамъ, т.-е. на какіе запросы призвано давать отвѣтъ историческое познаніе. 2) Второй отдѣлъ будетъ имѣть своимъ предметомъ *руководяція понятія и принципы, лежащіе въ основѣ историческаго міровоззрѣнія*. Здѣсь мы будемъ имѣть дѣло съ общимъ ученіемъ объ историческомъ процессѣ, насколько оно можетъ быть установлено на основаніи данныхъ современнаго знанія. Въ значительной степени здѣсь придется ограничиться подведеніемъ итоговъ тѣмъ различнымъ научнымъ дисциплинамъ, съ которыми соприкасается историческое изслѣдованіе, поскольку эти дисциплины даютъ матеріалъ для общаго міровоззрѣнія историка. 3) Наконецъ, въ третьемъ отдѣлѣ мы поставимъ спеціально вопросъ *о предѣлахъ эмпирическаго познанія въ области исторіи, о средствахъ и приемахъ историческаго изслѣдованія*. Здѣсь мы должны дать окончательный отвѣтъ по вопросу о значеніи гипотетическихъ и метафизическихъ элементовъ въ современномъ историческомъ міровоззрѣніи. Мы выяснимъ, до какихъ предѣловъ можетъ идти историкъ въ точномъ изслѣдованіи и въ какой степени возможно для него отрѣшиться отъ субъективизма въ его работѣ и выводахъ.

II. Намѣченная программа имѣетъ, такимъ образомъ, преимущественно гносеологическое и методологическое содержаніе. Но именно поэтому она не вполне отвѣчаетъ тѣмъ представленіямъ, которыя обычно существуютъ о содержаніи философіи исторіи. Съ этимъ именемъ давно привыкли связывать представленіе о дисциплинѣ, посвящающей себя преимущественно общимъ спекуляціямъ на тему о *смыслѣ всемірной исторіи*, попыткамъ выяснить ту раціональную или ирраціональную схему, которая лежитъ въ основѣ всего историческаго процесса, уже пережитаго человѣчествомъ, и даже заглянуть на этомъ основаніи въ будущее. Такое содержаніе философіи исторіи получала и до сихъ поръ обыкновенно получаетъ у философовъ. Ихъ интересуютъ, главнымъ образомъ, метафизическія проблемы, возникающія въ связи съ философскимъ изученіемъ историческаго матеріала. Но и нѣкоторые изъ современныхъ историковъ стоятъ на той же точкѣ зрѣнія. Такъ, по мнѣнію *Н. И. Картева* ¹⁾, задачу

¹⁾ *Картевъ*. Основные вопросы философіи исторіи (1897 г.), 1 — 19.
См. также *Mehlis*. Lehrbuch der Geschichtsphilosophie 1915.

Философія історії складаєть изложеніє всемірної історії съ точки зрѣнія *прогресса*, который онъ понимаетъ въ смыслѣ постепеннаго нарастанія духовныхъ цѣнностей и увеличивающей доступности ихъ наибольшему числу индивидовъ. Философскую теорію историческаго знанія и историческаго процесса *Картьевъ* подъ именемъ *исторіософіи* выдѣляетъ въ особую дисциплину. Съ такого рода построєніемъ я согласиться не могу. Я не отрицаю правомѣрности постановки метафизическихъ вопросовъ въ философіи історіи. Я только-что указывалъ, что одну изъ задачъ всякой философіи составляютъ попытки продолжить развитіе принциповъ и гипотезъ, припѣняющихся въ точныхъ наукахъ, за предѣлы научнаго знанія для сведенія ихъ къ гипотетическому и метафизическому единству. Такой по существу метафизической проблемой въ области історіи является, какъ я это постараюсь показать ниже, проблема прогресса, а именно къ этой проблемѣ *Картьевъ* сводить философію історіи. Но я полагаю, что разработка этой проблемы никакимъ образомъ не должна быть отдѣляема отъ изслѣдованія *гносеологическихъ и методологическихъ вопросовъ*, которое *Картьевъ* предлагаетъ сдѣлать предметомъ спеціальной науки — исторіософіи. При такомъ раздѣленіи, философіи історіи въ смыслѣ *Картьева* грозитъ опасность превратиться въ догматическую дисциплину, гдѣ спекуляціи на тему о прогрессѣ въ історіи будутъ производиться безъ достаточно критическаго фундамента ¹⁾.

Къ этому я долженъ добавить, что лично вообще не имѣю намѣренія заниматься построєніемъ метафизическихъ картинъ, хотя бы и на томъ критическомъ фундаментѣ, о которомъ я говорилъ, и съ тѣми оговорками, которыми должна сопровождаться всякая метафизическая работа. Я не ощущаю въ себѣ достаточного полета фантазіи для такого рода спекуляцій, значенія которыхъ не думаю отрицать, и считаю возможнымъ ограничиться чисто критической работой. Эта работа, во всякомъ случаѣ, является необходимой и для введенія въ исто-

¹⁾ Въ настоящее время *Н. И. Картьевъ*, Теорія историческаго знанія (1913 г.), стр. 48, предлагаетъ иное дѣленіе дисциплинъ; онъ раздѣляетъ теорію историческаго знанія или историку и теорію историческаго процесса или исторіологию; послѣдняя обнимаетъ и вопросъ о прогрессѣ (стр. 52).

рическое изслѣдованіе, и для подготовленія историческаго метафизики. Такимъ образомъ, прямо вопроса о смыслѣ историческаго процесса мы въ курсѣ ставить не будемъ, но постараемся, между прочимъ, выяснитъ степень правомѣрности этого вопроса съ точки зрѣнія точной науки.

III. Среди авторовъ, занимающихся вопросами философіи исторіи, есть и такіе, которые вообще не склонны признавать правомѣрность философіи исторіи, какъ самостоятельной дисциплины. Такъ, одинъ изъ видныхъ писателей въ этой области, — *Пауль Бартъ* — даже озаглавилъ свой трудъ: „Философія исторіи, какъ соціологія“. Именно съ соціологіей¹⁾ и притомъ съ той ея частью, которую принято называть соціальной динамикой, т.-е. съ учепіемъ о развитіи человѣческихъ обществъ, чаще всего склонны отождествлять философію исторіи противники самостоятельнаго существованія этой дисциплины²⁾. Возникаетъ поэтому вопросъ, въ какомъ отношеніи находится философія исторіи или теорія историческаго процесса къ соціологіи?

Если понимать соціологію въ томъ широкомъ смыслѣ, который придавалъ этому термину основатель этой науки — *Огюстъ Контъ*, то въ соціологію должны войти все тѣ науки, которыя такъ или иначе имѣютъ дѣло съ человѣческимъ обществомъ. Въ такомъ случаѣ и самая исторія становится лишь составной частью соціологіи. Но если подъ соціологіей разумѣть науку, имѣющую своимъ специальнымъ предметомъ изученіе общихъ законовъ жизни и развитія человѣческихъ обществъ, то ея отграниченіе отъ философіи исторіи не вызоветъ большихъ затрудненій. Ясно, что съ данными соціологіи намъ придется имѣть дѣло во второмъ отдѣлѣ нашего курса, при изученіи основныхъ принциповъ историческаго процесса. Но и въ этомъ отдѣлѣ теорія историческаго процесса или философія исторіи не представляетъ собою простого пе-

¹⁾ О соціологіи см. статью „Предметъ и методъ соціологіи“ въ *моей* книгѣ „Нравственная личность и общество“ (1911 г.). Ср. *Дюркгеймъ*. „Методъ соціологіи“ (1899 г.). О современномъ состояніи соціологіи см. *F. Squillace*. Die soziologische Theorien, deutsch von R. Eisler (1911). „Моя Соціологія“. Ч. I. „Историческій очеркъ ученій объ обществѣ“ (1917 г.), гл. V—XIII.

²⁾ Это дѣлаетъ, впрочемъ, и *Картей*. „Теорія историческаго знанія“ (1913 г.), стр. 47. „Исторіологія“ (1915), стр. 27.

рессказа соціологическихъ выводовъ: напротивъ, *задача философіи исторіи* здѣсь *прямо противоположна задачѣ соціологіи*. Соціологія пользуется данными исторіи, этнографіи и другихъ наукъ, чтобы построить, по возможности, широкія обобщенія, вывести общіе законы жизни человѣческаго общества. Философія исторіи заимствуетъ у соціологіи эти обобщенія, чтобы съ ихъ помощью дать возможность исторіи объяснить, какъ появляется то многообразіе индивидуальныхъ событій и состояній, которое изучается исторіей. Такимъ образомъ, соціологія собираетъ историческія данныя для ихъ обобщенія; философія исторіи собираетъ соціологическія обобщенія, чтобы дать возможность историку объяснить историческіе факты. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ отдѣлѣ философія исторіи тѣсно соприкасается съ соціологіей, представляетъ собой примѣненіе соціологіи къ запросамъ исторической науки. Что же касается остальныхъ отдѣловъ философіи исторіи, т.-е. гносеологическихъ и методологическихъ проблемъ, связанныхъ съ чисто историческимъ изслѣдованіемъ, то совершенно очевидно, что онѣ не входятъ въ область спеціальной науки объ общихъ законахъ жизни соціальныхъ группъ, а если и входятъ, то совершенно въ иной постановкѣ. То же самое приходится сказать и о метафизическихъ проблемахъ философіи исторіи; онѣ также не имѣютъ отношенія къ задачамъ соціологіи, какъ таковой.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Мѣсто исторіи въ системѣ научнаго знанія.

Глава I. Система наукъ.

§ 3. Наука ли исторія?

I. Обыкновенно задачей научнаго познанія считается *обобщеніе* всего того, что мы узнаемъ изъ опыта объ окружающемъ мірѣ. Экспериментъ и наблюденіе даютъ намъ безконечное разнообразіе впечатлѣній, не согласованныхъ между собою и на первый взглядъ нерѣдко противорѣчивыхъ, взаимно другъ друга исключающихъ. Задача науки состоитъ въ томъ, чтобъ привести все эти данныя въ логическую систему и создать изъ нихъ картину міра, легко обозримую и лишенную противорѣчій. Въ нашихъ непосредственныхъ переживаніяхъ нѣтъ повтореній; въ нихъ все индивидуально. Ни одинъ конкретный предметъ не составляетъ во всѣхъ своихъ частностяхъ точной копіи другого, и даже воспріятія отъ одного и того же предмета, получаемыя въ разные моменты или разными лицами, не могутъ совпасть во всѣхъ подробностяхъ. Наука должна все это хаотическое разнообразіе свести въ рамки сравнительно немногихъ общихъ понятій и формулъ и привести эти понятія и формулы въ логическую связь между собою. Критеріемъ научной истины является поэтому согласованность нашихъ сужденій о мірѣ между собою въ соотвѣтствіи съ данными опыта. Идеаломъ законченнаго научнаго знанія міра была бы такая картина мірозданія, которая представила бы намъ міровой процессъ, какъ необходимое и въ то же время цѣлесообразное единство, какъ

потокъ явленій, совершающихся по строгимъ и неизмѣннымъ законамъ природы и идущихъ къ опредѣленной разумной цѣли. Такая картина уяснила бы человѣку его мѣсто и назначеніе въ міровомъ процессѣ. Она не только удовлетворила бы нашей любознательности, но и дала бы возможность разрѣшить наиболее важную для человѣчества практическую проблему, проблему человѣческаго поведенія, составляющую предметъ спеціальнаго изслѣдованія этической науки ¹⁾.

II. Но если правились такой взглядъ на науку и ея основныя задачи и идеалы,—а этотъ взглядъ, несомнѣнно, и общепризнанный и въ основѣ вѣрный,—то возникаетъ вопросъ: можно ли въ такомъ случаѣ считать исторію, какъ мы ее выше опредѣлили, за науку?

Въ самомъ дѣлѣ, мы сказали, что исторія есть наука, изучающая минувшія событія и состоянія въ жизни людей, какъ социальныхъ существъ. Такимъ образомъ, предметомъ историческаго изученія являются *отдѣльные неповторяющіяся событія и состоянія* во всей ихъ конкретности со всѣми особенностями. Исторія не ставитъ своею цѣлью никакихъ обобщеній, она не устанавливаетъ никакихъ общихъ формулъ. Между тѣмъ, какъ мы только-что убѣдились, именно въ такихъ обобщеніяхъ и состоитъ основная задача научнаго знанія.

Неудивительно поэтому, что и въ дѣйствительности раздавались и раздаются возраженія противъ признанія исторіи, какъ мы ее понимаемъ, за науку. Съ большою силою формулировалъ подобныя возраженія *Артуръ Шопенгауэръ*. У этого философа есть двоякаго рода аргументы противъ признанія исторіи наукой. Одинъ рядъ его соображеній стоитъ въ тѣсной связи съ его метафизической системой, различающей міръ, какъ волю и представленіе. Съ точки зрѣнія этой системы истинное существо міра составляетъ единая и неизмѣнная, вѣчно страдающая міровая воля; что же касается всѣхъ событій исторической жизни въ ихъ постоянномъ разнообразіи, то они составляютъ часть того *покрывала Майи*, которое скрываетъ отъ насъ истинную сущность вещей. Заниматься изученіемъ этихъ феноменовъ значитъ только

¹⁾ См. объ этомъ подробно статью: „Чего не можетъ намъ дать научное знаніе“ въ *моей* книгѣ—„Нравственная личность и общество“ (1911 г.).

уклоняться отъ познанія сущности міра. Общенигилистиче-скій колоритъ шопенгауэровской философіи приводитъ автора къ заключенію, что никакого внутренняго смысла въ чело-вѣческой исторіи нѣтъ, что она только содержитъ въ себѣ иллюстраціи общечеловѣческой пошлости, повторяетъ все однѣ и тѣ же темы на различные лады (*eadem sed aliter*). Эти соображенія насъ мало интересуютъ въ настоящее время. Полемицировать съ ними приходится тѣмъ, кто ставитъ своей задачей изслѣдованіе метафизическихъ проблемъ философіи исторіи. Въ настоящее время не эти проблемы составляютъ предметъ нашего вниманія. Но есть у Шопенгауэра и нынѣ возраженія противъ исторіи, какъ науки. Онъ съ большою силою развиваетъ тѣ соображенія, которыя только-что были намѣчены. Такъ какъ исторія не ставитъ своей задачей обобщеній, то она, по приговору философа-пессимиста, есть только видъ знанія, дѣло памяти, но не наука. „Собственно клас-сифицирующія науки, каковы: зоологія, ботаника, также фи-зика и химія, поскольку послѣднія сводятъ все неорганиче-скіе процессы къ немногимъ основнымъ силамъ, говоритъ Шопенгауэръ, въ наибольшей степени проводятъ принципъ подчиненія; напротивъ, въ исторіи, въ сущности, нѣтъ ни-какого подчиненія, такъ какъ общее въ ней состоитъ въ обзорѣ главнѣйшихъ періодовъ, изъ которыхъ, однако, от-дѣльныя событія не могутъ быть выведены, и только по времени подчиняются имъ, а по понятію сочиняются; поэтому исторія, строго говоря, хотя и есть знаніе, но не есть наука“¹⁾. Въ подобныхъ отрасляхъ знанія, по мнѣнію Шопенгауэра, главную роль играетъ не сила сужденія, необходимая для правильнаго и точнаго перенесенія наглядно познаннаго въ область абстрактныхъ понятій, но память.

Эти соображенія затрогиваютъ самую суть дѣла въ той постановкѣ, которую мы придаемъ вопросу, и на нихъ не-обходимо отвѣтить. Настолько ли они вѣски, чтобы дать ос-нованіе отказать исторіи въ имени науки? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ слѣдуетъ познакомиться со всей *си-стемой современнаго научнаго знанія*, выяснить себѣ, какое здѣсь мѣсто занимаетъ исторія, и тогда мы въ состояніи будемъ дать отчетъ, почему наука, имѣющая своей задачей

¹⁾ *Schopenhauer*. Die Welt als Wille und Vorstellung (Reclam), I, 106.